

Eric Bogosian

OPERATION NEMESIS

The Assassination Plot
that Avenged the Armenian
Genocide

Эрик Богосян

ОПЕРАЦИЯ «НЕМЕЗИС»

История возмездия
за геноцид армян

Перевод с английского
Анны Марголис

Individuum, 2025

УДК 93/94

ББК 63.3

Б74

This edition published by arrangement
with Little, Brown and Company, New York, New York, USA.
All rights reserved

Богосян, Эрик.

Б74 Операция «Немезис». История возмездия за геноцид армян / Эрик Богосян; [пер. с англ. А. Марголис] — М.: Individuum, Эксмо. — 384 с.

ISBN 978-5-04-218788-9

Весной 1921 года в Берлине армянин Согомон Тейлирян застрелил Мехмеда Талаат-пашу, бывшего великого визиря Османской империи и одного из инициаторов геноцида армян 1915 года, унесшего жизни более миллиона человек. Тогда никто не знал, что убийца действовал не один. За ним стояла тайная организация, миссией которой была месть ответственным за геноцид. В честь греческой богини возмездия организация получила название «Немезис». Опираясь на множество исторических источников, Эрик Богосян, американский драматург, режиссер и актер, потомок выжившего во время геноцида, бесстрастно и подробно воссоздает историю этой секретной организации. История начинается за сотни лет до выстрела в Берлине, со сложного сосуществования турок-османов и армян в Малой Азии, и тянется в современность с ее тяжелым политическим наследием. Книга Богосяна — это одновременно захватывающий документальный триллер, собрание свидетельств об ужасающем преступлении и размышление о природе насилия, мести и памяти.

УДК 93/94

ББК 63.3

© 2025 by Ararat Productions, Inc.

© А. Марголис, перевод, 2025

ISBN 978-5-04-218788-9

© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Individuum ®

Оглавление

Предисловие к русскоязычному изданию	7
Вступление	11
Пролог	19

ЧАСТЬ 1

Глава первая. <i>Восход империи</i>	29
Глава вторая. <i>Прямоком в современность: 1800–1914</i>	57
Глава третья. <i>И потекла кровь</i>	89

ЧАСТЬ 2

Глава четвертая. <i>Тейлirian идет на войну</i>	121
Глава пятая. <i>Долг</i>	151
Глава шестая. <i>Охота</i>	181
Глава седьмая. <i>Суд</i>	224
Глава восьмая. <i>Полная картина</i>	252

ЧАСТЬ 3

Глава девятая. <i>Работа продолжается</i>	277
Глава десятая. <i>Последствия и эра Ататюрка</i>	306
Глава одиннадцатая. <i>После Ататюрка</i>	334

Послесловие	359
Благодарности	361
Примечания	365

Предисловие к русскоязычному изданию

Когда я впервые услышал историю операции «Немезис», я в нее просто не поверил. Вскоре я понял, что операция — не выдумка, но сами ее участники сделали так, чтобы эта история оставалась в тени. Тогда мне захотелось рассказать правду: как международная сеть, включавшая агентов из США, координировала и направляла политические убийства, и как эти люди изменили ход истории. Моей первой идеей было сделать об этом фильм. Позже я понял, что единственный способ рассказать об операции «Немезис» — провести тщательное исследование и написать книгу, в которой я смогу затронуть историю армянского народа, Османской империи и Первой мировой войны.

К концу XIX века армянское христианское меньшинство в Османской империи жило под серьезным гнетом. Силы, действующие по поручению султана, совершали зверские преступления. Вдохновленные революционными движениями других стран (в частности России), армяне создали собствен-

ные революционные группы. Начало XX века ознаменовало закат великих монархий, включая Российскую и Османскую империи. На руку революциям играли новые технологии, в особенности два нововведения: изобретение более совершенных взрывчатых веществ и нарезного револьвера. Именно эти изобретения изменили ход истории, повлияли на начало Первой мировой войны и сделали возможным возмездие за геноцид.

Эта книга рассказывает о группе мстителей, которым удалось ликвидировать большинство руководителей Османской империи, ответственных за Геноцид армян*. Политические убийства привели к изменениям властной структуры Османской империи, в свою очередь обеспечившим восхождение Мустафы Кемалю, позднее ставшего известным как Ататюрк. К сожалению, армянский народ, по сути, оказался изгнан с исторической родины — земель, которые сегодня находятся в составе Турции. К концу Первой мировой войны установился новый порядок, где сила государств стала зависеть от контроля за нефтяными месторождениями. Именно во время Первой мировой войны (и по мере того, как все большее значение стала играть авиация) стало совершенно очевидно: кто контролирует неограниченные запасы нефти, тот и будет править миром.

Когда я рос, в моей голове была очень простая версия того, что случилось между армянами и турками. Изучая материалы для этой книги, я пришел к пониманию, что история — это мозаика, фрагменты которой — центры власти, оказывающие друг на друга взаимное влияние. Ничего простого здесь нет. Моя книга — о геноциде и убийствах, но она также рассказывает о том, как Британская империя стремилась обеспечить контроль над богатыми нефтью территориями Месопотамии.

---

* Слово «геноцид» как термин в этой книге пишется со строчной буквы. Когда речь о Геноциде армян — конкретном историческом акте геноцида, известном в армяноязычной среде как *Medz Yeghern* (Велиное Злодеяние), используется прописная буква (здесь и далее прим. ред.).

Для того, чтобы закрепить за собой эти земли, им был необходим договороспособный турецкий лидер. Представители политической элиты Великобритании не считали возможным работать в этом направлении с Талаат-пашой. Я полагаю, что британцы Обри Герберт и Бэзил Томсон запустили процесс убийства Талаата, сообщив армянским агентам «Немезис» о его местонахождении в Берлине.

Это очень сложная история. Я приложил все усилия, чтобы четко отразить доступные мне факты и искал самые заслуживающие доверия источники, чтобы установить, как была сформирована «Немезис», как она достигла своих целей, и, в конечном счете, как убийство руководителей комитета «Единение и прогресс» повлияло на мир, в котором мы сегодня живем.

*Эрик Богосян,
август 2025*

Вступление

Мало что я любил сильнее в раннем детстве, чем гостить у бабушки с дедушкой. Бабушка Люси готовила на залитой солнцем кухне сочившиеся медом армянские сладости, пока дедушка Мегердич* на заднем дворе под яблонями возился с шашлыком из баранины. После сладкого дедушка мог опрокинуть крошечную стопку арака** и рассказать мне историю. Я зачарованно впитывал ужасные рассказы о далеком прошлом, которые он выкапывал из памяти. На своем слегка подслащенном акцентом английском Мегердич описывал горящие церкви и мучителей верхом на конях. Эти истории всегда заканчивались одинаково. Дедушка назидательно говорил мне: «Если встретишь турка — убей его».

Мне было не больше четырех, когда я впервые услышал эти слова.

---

* За исключением некоторых случаев — как, например, с членами семьи автора, — армянские имена и фамилии были переведены нами с английского на русский в соответствии с современным армянским написанием. Если примеров устоявшегося перевода упоминаемых у Богосяна имен и фамилий на армянский язык обнаружено не было, то перевод на русский был выполнен путем транслитерации с английского языка.

** Анисовая или виноградная водка, распространенная в восточных районах Средиземноморья.

Дедушкины детские годы пришлось на эпоху более чем столетней давности и прошли на беспокойной восточной границе Османской империи. У него было множество оснований ненавидеть турок, убивших его отца и чуть не убивших его самого. В 1915 году, когда ему едва исполнилось двадцать один, Мегердич спасся от геноцида, уничтожившего сотни тысяч его соплеменников-армян. Не раз рассказывал он мне о том, как горела их деревня, пока они с матерью затаились в пшеничном поле, прячась от *зиптие**. Под покровом ночи они сбежали, добрались до Франции, а в 1916 году Мегердич и моя прабабушка иммигрировали из Гавра в США. Дедушка утверждал, что спасся потому, что был умнее остальных. Поэтому я и получился таким умным маленьким мальчиком. Но, возможно, ему просто повезло.

Его собственному отцу повезло куда меньше. После успешной иммиграции в США еще в 1890-х Овигин Джамгочян получил американское гражданство. Но он совершил ошибку, вернувшись на «старую землю», чтоб разыскать жену и сына-подростка. Младотурецкое правительство не признало американское гражданство Овигина, и его вместе с сотнями тысяч других трудоспособных мужчин отправили на военную службу. Армия стала для него смертным приговором. В первые же месяцы призыва Овигина, как и большинство армян в османской армии, разоружили и послали в трудовой батальон, где солдат-христиан заставляли работать до смерти. Мы знаем только, что больше семья никогда его не видела. Моя бабушка Люси тоже потеряла своего отца, ювелира Кумджяна, который некогда работал на Константинопольском базаре**. Насколько нам известно, его убили, как и Овигина.

С раннего возраста я понимал, что я армянин, а значит моя семья, как и бесчисленное множество других армянских се-

* «Полицейский» (*тур.*); так же встречаются варианты *zaptiye*, *zabtieh*.

** Имеется в виду Большой базар, или Гранд-базар, один из крупнейших крытых рынков в мире, расположенный в старой городской части современного Стамбула.

мей, потеряли своих близких и любимых из-за турок. Но знать и осознавать — разные вещи. Большинство моих веснушчатых товарищей из Вуберна в штате Массачусетс были ирландско-американского происхождения и находились в блаженном неведении о собственной суровой истории. Несмотря на оливковый оттенок кожи, курчавость и принадлежность к Армянской (а не Римско-католической) церкви, я воспринимал себя таким же беспечным американским ребенком, как они. Ужасы, затронувшие поколение моего деда, меня не коснулись. Я не был иммигрантом, в совершенстве владел английским и абсолютно не собирался как-то выпячивать различия между мной и моими одноклассниками.

Там, на «старой земле», произошли страшные вещи — но где та резня, а где беспечная жизнь подростка из пригорода? Я рос в массачусетском пригороде, в окружении молодых людей в рваных джинсах, которые курили траву, не уделяли почти никакого внимания школе, а в свободное время протестовали против войны во Вьетнаме. В совсем другой вселенной, давным-давно, вооруженные ножами и ружьями курды терроризировали сельчан и похищали молодых христианок. Мир моего деда был действительно опасным. Истории, которые я слышал, сидя у него на коленях, настолько впечатляли, что казались вымышленными, неправдоподобными мифами, и куда больше напоминали приключенческие рассказы, чем реальную жизнь. Все те события произошли на земле в миллионах километров отсюда, в месте, которое дед называл Арменией. Я обожал армянскую еду, любил армянские свадьбы и странные хоралы в наших церквях, но был американским, а не армянским ребенком.

В начале своей карьеры писателя и актера я избегал подчеркивать свое происхождение. Мне не хотелось, чтоб на меня навесили ярлык экзотического «этнического» актера, а если бы я взялся писать о человеческом уделе, то описывал бы *знакомый* мне мир: утопающие в листве пригороды Новой Англии, а затем улицы Нью-Йорка, но не суровые равнины

Анатолии, о которых я не имел непосредственного представления. Армянская история, которую я узнал из рассказов деда, не была *моей* историей. Я не страдал в пустыне, не терял там близких, не был свидетелем преступлений. Так почему тогда именно я должен писать об этих печальных событиях из далекого прошлого?

Когда около двадцати лет назад я впервые услышал об убийстве Талаат-паши, эта история прозвучала скорее как попытка принять желаемое за действительное, чем как исторический факт. Мехмеда Талаат-пашу, одного из правителей Османской империи (предшественницы современной Турецкой Республики) во время Первой мировой войны, убил в 1921 году в Берлине молодой армянин. Изюминка состояла в том, что суд оправдал убийцу, молодого студента-инженера Согомона Тейлиряна, и отпустил на свободу. Высший акт возмездия, по-видимому, оказался прощен. Для большинства армян — совершенно справедливое решение. Талаат был чудовищем, именно на нем лежала ответственность за огромную трагедию, и Тейлирян сразил его, как Давид Голиафа. Как и рассказы деда, история смерти Талаата напоминала эпизод из романа XIX века.

Только когда я в следующий раз наткнулся на упоминание Тейлиряна в книге Питера Балакяна «Черная собака судьбы», а еще несколькими годами позже — в получившей Пулитцеровскую премию книге Саманты Пауэр про геноцид «Проблема из Ада», я понял, что это не просто какая-то армянская городская легенда. Питер Балакян (чей двоюродный дед был свидетелем в суде над Тейлиряном*) и Саманта Пауэр описали одну и ту же историю: Тейлирян пережил резню, видел своими глазами, с какой жестокостью турки убили всю его семью. Он случайно наткнулся на Талаата, который после войны скрывался в Берлине. После ареста Тейлирян объяснил полиции, что убить Талаата его вынудили пережитые ужасы. Невероят-

---

* Епископ Григорис Баланян. Подробнее — в Главе седьмой.

но, но судья и присяжные встали на сторону молодого убийцы, проявив сочувствие к его страданиям и потерям. Заголовок статьи в *New York Times* от 4 июня 1921 года резюмировал эту новость так: **«ОНИ ПРОСТО ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЕГО ОТПУСТИТЬ!»**

Я нашел в интернете стенограмму суда над Тейлиряном. Она была наполнена как ужасными подробностями испытаний, выпавших Согомону, так и пошаговым описанием убийства Талаат-паши. Почему, удивился я, нет ни книжки, ни фильма, основанного на его истории? Очевидно, что убийство Талаата и оправдание Тейлиряна — практически готовый материал для кино. Я легко мог представить структуру полнометражного фильма. Часть 1. Депортация и убийства в пустыне. Часть 2. Берлин, убийство. Часть 3. Суд и триумфальное оправдание. Настоящий сюжет, где есть место и пафосу, и неоднозначности. И исторической правде. Наконец я нащупал армянскую тему, достаточно сложную для меня как для писателя, которая к тому же увековечит память моего любимого деда. Я решил посвятить несколько месяцев написанию сценария.

Но стоило мне сесть за черновик, как меня стали одолевать очевидные вопросы. Каким образом студент-инженер убил человека, всю жизнь окруженного телохранителями? Да еще одним выстрелом? На людной улице среди бела дня? Как Тейлирян, едва владевший немецким, достал оружие в послевоенном Берлине? Действительно ли он приехал в Берлин учиться? Никаких доказательств того, что он посещал занятия, или информации о друзьях-студентах не было. А если он не учился, то что, собственно, делал в Берлине? Чем зарабатывал на жизнь? Работы у него, похоже, не было. Я перечитывал стенограмму вновь и вновь. Что-то в этой картинке не складывалось.

Затем я обнаружил «Противостояние и месть» журналиста Жака Дерожи, плотную монографию, изданную во Франции в 1980-х годах и объясняющую, что на самом деле молодой армянин вовсе не был студентом-инженером. Кроме того,

не был он и свидетелем резни своей семьи в пустыне. Он даже не жил в Турции, когда его семья была депортирована.

Дерожи изложил еще более потрясающую, почти невероятную историю: убийство не только Талаата, но и многих турецких лидеров, ответственных за геноцид, успешно организовала маленькая группа армянских заговорщиков со штаб-квартирой в Америке, назвавшая себя «Операция „Немезис“»*. Ни Питер Балакян, ни Саманта Пауэр не придали значения заговорщикам из «Немезиса» и не привели внушительный список их жертв. Они сосредоточились на Тейлиряне, повторив версию, рассказанную им в суде. Мне необходимо было узнать больше. На следующие семь лет я целиком погрузился в изучение истории и ее ужасов, того, что судья назвал «традицией кровной мести». Я нашел связи с британской разведкой и изучил недавнее исследование о вмешательстве в судебный процесс официальных лиц Германии. Я попросил ученого Арама Аркуна перевести мемуары Тейлиряна**, впервые опубликованные на армянском в 1953 году, и проделанная им работа позволила мне глубже понять всю сложность этого заговора.

Эти люди были современниками моего деда, кто-то из них вырос в сотне-другой километров от места его рождения. Но они не были похожи на деда. Мой дед мог ненавидеть турок, но смог бы он когда-либо убить одного из них? Одно дело ненавидеть, желать своему врагу зла, но совсем иное — подойти на улице и пустить пулю ему в лоб. И смотреть, как он умирает.

Мой дед хотел, чтобы я знал о том, что произошло с ним задолго до моего рождения. Он хотел, чтоб я был готов к худшему. Он хотел меня спасти. И поэтому он рассказывал мне

---

* Имеется в виду богиня справедливого возмездия Немезида из античной мифологии.

** На рус.: *Тейлирян С.* Понушение на Талаата. М.: Нлюч-С, 2011. 266 с. Все цитаты из воспоминаний Тейлиряна практически полностью (за исключением перевода имен, географических и топографических названий) продублированы из этого издания.

все эти ужасные истории и предупреждал о турках. Уверен, что он не мог вообразить, чтоб его младший внук и вправду убил бы турка, но он говорил то, что говорил, и эти слова навсегда остались во мне. Он делился со мной воспоминаниями — самым ценным, что сохранил.

Тейлirian и его соратники были не просто мстителями. Небольшая группа, куда входили редактор бостонской газеты, нотариус из Сиракуз и дипломат из Вашингтона, — своими действиями они пытались в какой-то мере отплатить за сотни тысяч безымянных жертв, за смерти невинных мирных жителей в пустынях, в горах, в их домах. Могилы жертв Талаата и его банды даже не отмечены надгробными камнями. От них ничего не осталось, кроме нашей памяти. Для полутора миллионов армян, погибших от рук турок-османов во время Первой мировой войны, и для их бесчисленных потомков операция «Немезис» стала криком: «Вы существовали. Вы не забыты. Мы вас помним».

На протяжении почти ста лет история этой неоднозначной группы была затуманена мифами. Я написал эту книгу потому, что у меня не оставалось выбора. История «Немезиса» требовала большего, чем простой киносценарий. Я сделал все, чтобы рассказать эту историю как можно более честно и полно. Так я отдаю дань памяти.

Пролог

15 марта 1921 около десяти часов утра из своего многоквартирного дома в Шарлоттенбурге, фешенебельном районе Берлина, вышел грузный мужчина в пальто. В руках он держал трость, а голова его, несмотря на прохладную весеннюю погоду, была непокрыта. В шляпе на европейский манер он чувствовал себя некомфортно. Шляпа казалась ему неподходящей. Но в этом анархическом городе, полном шпионов, он не осмелился бы надеть феску. Привлекать внимание к своему турецкому происхождению — последнее, чего бы он хотел. Ступив на тротуар, человек вдохнул свежий воздух и тут же повеселел. Зима была затяжной и тяжелой, но чувствовался приход оттепели. Уже скоро турецкий изгнанник сможет вернуться домой в Константинополь*. Его соратник, младотурок генерал Мустафа Кемаль, добился успеха на востоке; через несколько месяцев война наконец будет позади.

Человек в пальто, Талаат-паша, скрывался в Германии под вымышленным именем, выдавая себя за коммерсанта. В годы, предшествовавшие его переезду в квартиру на Харденберг-

---

* Ныне Стамбул, Турция.

штрассе, Талаат прославился как политический лидер Османской империи во время Первой мировой войны. Имя Талаата гремело на весь мир, но теперь стало обузой. Занявшие Константинополь британские войска арестовали многих из османской верхушки, правительство султана провело судебные процессы по делам о военных преступлениях, и хотя Талаат и избежал ареста, заочно его признали виновным и приговорили к смертной казни. Так что пока разумнее называться именем поскромнее — «Салих-бей».

Вынужденное изгнание ослабило власть Талаата, но не уничтожило ее полностью. Он все еще считался чрезвычайно важной фигурой, и многие обращались к его авторитету. Однако выбора у него не оставалось; он вынужден был скрываться. Всего несколько дней назад британский агент Обри Герберт спросил Талаата на тайной встрече, не боится ли он, что его убьют. «Я никогда об этом не думаю», — хладнокровно ответил он¹. Но он думал. Он думал об этом постоянно. Ходили слухи, что армяне охотятся за ним, что за его голову назначена награда. Талаат привык к тому, что само его присутствие внушало людям трепет, но также знал, что ему нужно вести себя крайне осторожно.

Чего Талаат не знал, прогуливаясь по фешенебельной берлинской Харденбергштрассе прохладным весенним утром, так это того, что его псевдоним уже раскрыт. Опасность была куда ближе, чем он думал. Даже в эти самые минуты, когда он неспешно шел в толпе берлинцев по направлению к Уландштрассе, за ним следили. По другой стороне улицы, параллельно с Талаатом, шел молодой армянин, эмигрант из турецкой Анатолии, и отслеживал его маршрут. В отличие от Талаата, Согомон Тейлирян оставался почти невидим, как в переносном, так и в прямом смысле. Никто не знал его имени, никому в Берлине он не был знаком, и он совершенно не выделялся в этом